

Почему бы не стать друзьями по переписке?

— Уездный начальник Ян, что за шум на улице? Я слышу крики о несправедливости. Что там происходит?

Главный экзаменатор вместе с помощниками вышел к главе уезда. Это дело напрямую касалось их репутации, поэтому они намерены были во всём разобраться.

— Господа сановники, дело вот в чём. Кандидат из уезда Юаньшань, Фан Цзиньян, занял первое место на окружном экзамене. Остальные сочли это подозрительным, — выступил вперед секретарь с докладом.

Экзаменаторы облегчённо вздохнули. Все они читали сочинение этого юноши и вместе утверждали список — в его способностях не могло быть никаких сомнений.

— Раз так, вывесьте его экзаменационную работу на всеобщее обозрение. Пусть эти люди сами увидят, достоин он первого места или нет, — распорядился главный экзаменатор.

— Слушаюсь.

Обычно работы трёх лучших кандидатов обнародовали только после того, как завершалось их переписывание в семи экземплярах, поэтому в Управе уезда Юаньшань не спешили с публикацией. Но раз уж поступил прямой приказ, чиновники поспешили вывесить списки.

— Прошу тишины! — к стене снова вышел писарь со свитками. — Здесь уездная управа, место, где трудятся государственные чиновники. Как вы смеете чинить подобные бесчинства?

— Сановник, мы вовсе не собирались нарушать покой управы, но в наших сердцах кипит обида, которую невозможно сдержать. Уездный и окружной экзамены проводятся для поиска талантов, но как один и тот же человек мог показать столь разные результаты в этих двух испытаниях? Мы люди недалёкие, просим разъяснить нам эту загадку! — один из студентов выступил вперёд, почтительно сложив руки.

— Сейчас вы всё поймёте. У меня в руках работы трёх лучших кандидатов нынешнего испытания. Я вывешу их все, чтобы вы могли сравнить. Смотрите, а потом уже говорите.

Писарь приклеил листы к стене, и толпа мгновенно обступила их. Тецзин и мои — всё выполнено без единой ошибки. Задачи по математике из «Девяти глав» решены безупречно.

Пятисловный уставной стих отличался строгой симметрией и искренностью чувств. Что же до прозаического эссе — каждое слово в нём было на вес золота, а глубокая суть заставляла сердца трепетать от восторга.

Если такая работа не заслуживает первого места, то кто вообще на него вправе претендовать?

Подстрекатели притихли, но тот самый студент, что говорил первым, не желал сдаваться.

— На прошлом экзамене Фан Цзиньян был в самом хвосте и прошел лишь чудом. А теперь он пишет такие блестящие статьи. Неужели на него снизошло озарение за считанные дни? Или есть иная причина? Конечно, если бы он заранее знал темы, это бы всё объяснило...

Услышав это, писарь понял — дело принимает скверный оборот. Этот человек явно преследовал свои цели: сначала кричал о несправедливости, а теперь, увидев мастерство соперника, начал намекать на подкуп и сговор. Он явно пытался замутить воду.

Уездный начальник Ян не выдержал и вышел к народу. Под его тяжёлым, полным власти взглядом толпа мгновенно притихла.

— До меня дошли слухи, что кто-то сомневается в честности нынешних экзаменов. Я не мог остаться в стороне и пришёл лично. Есть ли у вас подозрения в отношении кого-то ещё, кроме Фан Цзиньяна? Если есть — говорите сейчас, я желаю знать всё.

Места остальных кандидатов в списке изменились незначительно, к ним лишь добавились студенты из соседних уездов. Никто не совершил такого невероятного рывка, как этот юноша.

Видя, что все молчат, сановник Ян распорядился:

— Вынесите и вывесьте его работу с уездного экзамена.

Вскоре принесли свиток, скреплённый красной печатью, и на глазах у всех развернули работу конкурсанта.

Присутствующие ахнули. Даже в тот раз эссе было написано превосходно — по логике вещей, автор никак не мог оказаться на последнем месте. Однако один из внимательных книжников заметил: в разделе «Девяти глав» пропущена целая задача.

Это стало новым поводом для нападок. Как смел он пропустить вопрос? Это же явное пренебрежение правилами! Почему такого человека вообще допустили к следующему этапу?

Сановник Ян холодно усмехнулся и спросил:

— Здесь ли Фан Цзиньян из городка Юнъань?

— Студент здесь, — юноша спокойно вышел из толпы и низко поклонился. — Студент Фан Цзиньян приветствует батюшку-чиновника.

Уездный начальник одобрительно кивнул. Тот держался достойно, не выказывая ни тени волнения под градом обвинений.

— Объясни же всем, почему ты оставил ту задачу нерешённой.

— Студенту стыдно признаться... Я с детства слаб здоровьем, и в это время года переменчивая погода всегда приносит мне жар. В день уездного экзамена я уже был болен. Лихорадка затуманила мой разум, перед глазами всё плыло, и в беспамятстве я пропустил задачу. У меня и в мыслях не было выказывать неуважение к испытанию, прошу простить мою оплошность.

— Продолжить испытание, несмотря на недуг — похвальное рвение, — похвалил глава управы. — Его промах не был дерзостью, лишь следствием слабости плоти. Наша династия всегда правила, опираясь на милосердие. Как же мы могли не пойти навстречу столь усердному ученику? К тому же, его эссе действительно превосходит работы многих из вас.

— Но если в будущем каждый нерадивый студент, не знающий ответа, станет ссылаться на недуг, неужели мы и им будем потакать? Не слишком ли это опрометчиво — полагаться лишь на чувства?

Чу Цы сразу понял: перед ними прирождённый спорщик, и цели его отнюдь не бескорыстны.

— А ты кто такой? — сановник Ян обратился к студенту, который явно возомнил себя предводителем недовольных.

— Студент Чжао Чжаоин из городка Цинхэ! — его голос прозвучал так громко, что имя наверняка услышали даже на другом конце переулка.

Расчёт Чжао был прост: если затея удастся, его прославят как человека, не побоявшегося бросить вызов власти ради правды. Народ любит таких смельчаков.

Однако Чжао Чжаоин вознамерился возвыситься, растоптав репутацию уездного начальника и Фан Цзиньяна. С этим Чу Цы смириться не мог.

Когда сановник уже готов был обрушить свой гнев на наглеца, юноша шагнул вперёд.

— Батюшка-чиновник, дозвоьте и мне сказать слово.

— А ты ещё кто? И что хочешь добавить? — взгляд начальника Яна был недобрый. Один Чжао Чжаомин уже доставил ему головную боль, а теперь выискался ещё один.

— Студент из деревни Чанси, Чу Цы, приветствует батюшку-чиновника.

Чу Цы? В уезде Юаньшань едва ли нашёлся бы грамотей, не слышавший этого имени. Все знали историю о том, как в прошлом году его несправедливо обвинили в подкупе, а значит, он должен был ненавидеть любых мошенников. Так рассуждали стоящие рядом студенты.

Но лицо сановника Яна смягчилось. Он прекрасно помнил автора сборника задач «Море слов». Писари докладывали, что этот юноша — человек весьма проникательный и благоразумный.

— Можешь не церемониться. Говори, что на уме.

— Дорогие братья, по совести говоря, я тоже считаю, что здесь была допущена несправедливость.

Лицо начальника Яна потемнело, а Чжао Чжаомин победно усмехнулся. Пусть говорит — всё равно запомнят того, кто первым поднял голос.

— Однако несправедливо обошлись не с вами, а с самим Фан Цзиньяном.

Заметив изумление на лицах присутствующих, Чу Цы продолжил:

— Все вы проходили уездный экзамен и знаете правила. Знание канонов — священный долг каждого книжника, здесь нельзя ошибиться ни в едином иероглифе. Если допущен промах — работу не принимают вовсе.

— Математические задачи из «Девяти глав» были добавлены в экзамен по воле нашего Основателя. До этого ученые мужи знали лишь изящную словесность, но ведали мало о счёте. Поэтому Великий Предок дозволил принимать работы, если решены две задачи из трёх. Не так ли?

— Теперь взгляните на статьи Брата Фана. И в стихах, и в прозе он на голову выше многих. Обе решённые им задачи верны. Он никак не заслуживал последнего места, но батюшка-чиновник поставил его в самый конец. Вы не задумывались — почему?

Толпа погрузилась в раздумья, и лишь на губах уездного начальника заиграла едва заметная улыбка. Он понял, куда клонит этот хитрец.

— Те, кто стоят в списке выше него, в таланте ему уступают, но вы трудились усердно и писали старательно. Батюшка-чиновник проявил великое милосердие: он не пожелал уязвить ваши

сердца, поставив вас ниже этого кандидата. Что же до самого Брата Фана — его таланты неоспоримы, но допущенная оплошность была досадной. Место в конце списка стало для него уроком и строгим предупреждением на будущее. Батюшка-чиновник печётся о каждом из вас, проявляя поистине отеческую заботу. И теперь, когда вы нарушаете порядок и мешаете делам управы, я считаю это величайшей несправедливостью по отношению к его доброму сердцу!

Чжао Чжаоин открыл было рот, чтобы возразить, но не нашёл, к чему придраться, и лишь угрюмо замолчал.

Остальные же дружно воскликнули:

— Батюшка-чиновник милостив! Мы были слепы, просим прощения за нашу глупость!

— О каком прощении речь? Мы ведь одна семья. Даже зубы порой кусают губы, что уж говорить о нас? Сегодня мы просто поговорили по душам, и я не стану вспоминать о прочем.

Уездный начальник Ян громко рассмеялся, и толпа подхватила его смех. Грозовые тучи рассеялись, сменившись атмосферой всеобщего согласия.

Чжао Чжаоин, почернев лицом, бросил на Чу Цы исполненный ненависти взгляд и поспешил скрыться. Его затея провалилась, а гнев начальника уезда был обеспечен. Единственным утешением оставалось то, что он уже сдал экзамены, иначе дела его были бы совсем плохи.

Чу Цы вместе с друзьями тоже покинул площадь. Фан Цзиньян смотрел на него с безмерной благодарностью, а Чжан Вэньхай так и сиял от восторга.

— Брат Чу, а я уж грешным делом подумал, что ты на сторону того крикуна встал! Ну и напугал же ты меня! Видел бы ты физиономию Чжао Чжаоина — он так помрачнел, точно его тушью облили! Ох и потеха!

— Да, Брат Чу, спасибо тебе за твои честные слова. Без твоего заступничества мне бы сегодня вовек не отмыться от подозрений, — Фан Цзиньян горько усмехнулся. После окончания экзаменов он решил на время уйти в какой-нибудь храм, чтобы молитвами и покоем очистить душу от всей этой скверны.

— Кстати, я ведь так и не поздравил тебя с получением звания шэньюаня. Если и на экзамене в академии ты станешь первым, то будешь именоваться Сяо Эрюань — дважды лучшим.

Первое место на окружном экзамене почти гарантировало успех в академии. Даже если этот кандидат решит больше не сдавать тестов, он уже по праву считался уважаемым сюцаем. Его долгий путь сквозь тернии наконец-то вывел к свету.

— Счастливчик ты, Цзиньян, — вздохнул Чжан Вэньхай. — А мне завтра предстоит ещё одно

испытание.

— Завтрашний день — самый простой. Ты стал тридцать вторым в округе, так что в академии точно пройдёшь, — Чу Цы похлопал друга по плечу. Если Вэньхай не наделает глупостей, звание сюцай у него в кармане.

Они вернулись в училище как раз к моменту, когда занятия в Заведении для начинающих учеников подходили к концу. Чу Цы решил подождать племянника у ворот и столкнулся с управляющим Сюем, который привез припасы.

Посторонним вход внутрь был строго запрещен, так что даже старый лис Сюй не мог туда пробраться хитростью. Впрочем, он и сам опасался заходить — боялся, что если увидит плачущего юного господина, то не выдержит и заберет его домой.

— Сюцай Чу, как удачно вы пришли! Я тут привез кое-какие вещи — три одинаковых набора. Пожалуйста, заберите их позже все вместе.

На земле стояли два огромных тюка, набитых доверху и явно неподъемных.

— Управляющий Сюй, к чему такие церемонии? Вам стоило подготовить вещи только для Чжунли Юя.

— Не говорите так, господин Чу. То, что я взвалил на вас заботу о нашем маленьком господине — уже большая наглость с моей стороны. В прошлый раз, когда тот студент возмутился, я не успел вмешаться, и вам пришлось тратиться. Как же я могу оставить это без внимания?

— Пустяки. Брат Коу и раньше мне помогал. Но даже если бы и нет — Чжунли Юй учится вместе с моим племянником, а соученики должны поддерживать друг друга.

— Ах, кстати, о нашем молодом господине. Сюцай Чу, я написал Коу Цзину о том, что произошло, и он был в великом гневе. Сказал, что я поступил крайне недостойно, и велел передать вам письмо с личными извинениями, — Сюй с довольной миной извлек из-за пазухи свиток.

Чу Цы только и смог, что мысленно вздохнуть.

«Что, вошёл во вкус?»

— Молодой господин пишет, что в прошлый раз вы не ответили на его письмо. Он опасается, что проявил излишнюю бесцеремонность и невольно огорчил вас. Сюцай Чу, если вам будет не

в тягость, не могли бы вы черкнуть ему хоть пару строк в ответ?

Старый управляющий так смиренно просил об этом одолжении, что Чу Цы не нашел в себе сил отказать. К тому же, характер этого человека вызывал у него искреннюю симпатию.

«Раз так, почему бы и не завести друга по переписке?»

<http://bllate.org/book/15354/1427733>